

Цзао Цинь смотрел на ошеломленного, явно выбитого из колеи Цинь Цзышуая. Тот, похоже, растерял весь свой запал и больше не порывался над ним издеваться. Напряжение внутри Цзао Циня немного спало. Он уже собирался наплести что-нибудь тривиальное, чтобы поскорее выпроводить парня спать.

Как вдруг мир перевернулся. Его повалили навзничь, мягко, но настойчиво вдавливая затылком в пуховую подушку. От неожиданности Цзао Цинь широко распахнул глаза.

Нависший над ним Цинь Цзышуай резко подался вперед и накрыл его губы своими.

— Если заткнуть тебе рот, ты перестанешь нести чушь, — невнятно пробормотал он прямо в поцелуй.

Зажмурившись, он с каким-то упоением впился в мягкие губы Цзао Циня, сминая и посасывая аккуратный, нежный бантик верхней губы, пока тот совсем не припух.

Цзао Цинь толком и целоваться-то не умел — это был всего лишь второй его «первый поцелуй» в жизни! И, надо признать, столь же отвратительный, как и предыдущий.

Он изо всех сил уперся ладонями в широкие плечи Цинь Цзышуая, беспомощно замычал и, тяжело вздымая грудь, решил пустить в ход проверенное оружие — притворился, что плачет.

Цинь Цзышуай тут же открыл глаза. В его потемневшем взгляде все еще полыхало лихорадочное, пьянящее тепло. Он неохотно отстранился от влажных губ юноши.

— Циньцинь...

Растрепанные волосы Цзао Циня разметались по подушке, бледные щеки залил нежный румянец, а губы блестели от влаги. Почувствовав на себе неотрывный, жгучий взгляд, он поспешно закрыл лицо предплечьем.

— Я спать хочу. Немедленно слезь с меня!

В голове у Цинь Цзышуая творился полнейший сумбур. Немного помолчав, он хрипло предложил:

— Давай я тебя просто понюхаю и сразу уйду к себе, ладно?

Что ж, это все-таки лучше, чем слюнявые поцелуи. В конце концов, от простых обнюхиваний Цзао Цинь ничего не терял.

«Ну и извращенец, — мысленно пожаловался он Системе. — Так тащиться от запаха дешевого геля для душа».

Наяву же он лишь едва заметно кивнул, соглашаясь на сделку.

Но следующее действие Цинь Цзышуаю заставило его буквально окаменеть.

Чтобы раскрыть раковину жемчужницы, нужно действовать стремительно, пока створки не захлопнулись, и сразу вставить между ними упор. Иначе до сокровища не добраться.

Стоило парню прильнуть ближе, как поверхностный аромат мыла отступил. Наружу пробился истинный, пьянящий запах самого юноши — чистый, сладкий, словно струящийся из самого сердца драгоценной жемчужины.

Вдоль позвоночника Цзао Циня пробежала ледяная дрожь. Спектакль со слезами подошел к концу: от того, что происходило, ему стало по-настоящему, до смерти страшно.

— Извращенец!.. Перестань!.. — больше не сдерживаясь, Цзао Цинь резко вырвался, отполз в самый дальний угол кровати и испуганно сжался в комочек.

Цинь Цзышуай так и остался стоять на коленях посреди чужой постели с совершенно глупым видом. Он запоздало провел кончиком языка по губам.

— Я не извращенец, — тихо возразил он и, немного подумав, виновато добавил: —... Циньцин, если хочешь, ударь меня.

Он даже не запомнил, как вернулся на свою кровать. Все его мысли занимали тот невероятный аромат, испуганное лицо Цзао Циня и его дрожащий голосок, обвиняющий в извращенности.

Пожалуй, он действительно сходил с ума. Он превращался в гребаного маньяка.

[Черт, от голоса моей женушки мне и больно, и кайфово одновременно!]

[Н-Т-Р чистой воды!]

[Что они там делают? Стример, ломись в дверь, лови их с поличным! Ты чего застыл?]

[Бро, я же говорил, тут жара! Я пришел с другого канала, там внутри такое творится...]

Сун Чэн, которого зрители упрямо гнали вперед, так и стоял перед запертой дверью. Его лицо тонуло в густой тени. Вслушиваясь в доносящиеся из комнаты приглушенные шорохи и вздохи, он тяжело привалился плечом к стене. Прошло немало времени, прежде чем он наконец решился толкнуть дверь и войти.

В ту же секунду еще один наблюдатель прекратил свою негласную слежку.

Ночь текла своим чередом.

Цзао Цинь успел немного подремать. Едва услышав, как Сун Чэн бесшумно поднимается с постели, он мгновенно выскользнул следом за ним. Пристраиваясь шаг в шаг, юноша тихонько прошептал:

— Куда мы сегодня?

— В сектор А, — коротко отозвался Сун Чэн.

Цзао Цинь затаил дыхание и порывисто ухватился за его рукав:

— Правда? Тогда идем скорее!

Но Сун Чэн вдруг резко остановился. Развернувшись, он смерил Цзао Циня холодным, давящим взглядом сверху вниз:

— Не «мы», а «я». Возвращайся в комнату. И чтобы больше никаких ночных прогулок.

Что?

— Но почему?!

Цзао Цинь окончательно растерялся. Не выдержав тяжелого, властного взгляда, он нехотя поплелся обратно, зашел в спальню и тихо прикрыл за собой дверь.

Слушая, как затихают шаги Сун Чэна, он почувствовал, как в груди закипает глухая обида. Стоило тишине окончательно поглотить коридор, как он снова решительно распахнул дверь.

Подумаешь! Будто без этого упрямца он не сможет раздобыть зацепки. Сектор А он знал как свои пять пальцев — этим троим игрокам и за несколько месяцев не разузнать столько, сколько известно ему.

Снаружи царила кромешная тьма, завывал пронизывающий ветер. Едва покинув теплое здание, Цзао Цинь зябко поежился от резкого порыва.

На выходе из сектора Б охраны не было, но вот ворота, соединяющие его с сектором А, сторожили строго. Цзао Цинь понятия не имел, как мимо них проскользнул Сун Чэн, но у него самого был проверенный план. Вдоль разделительной стены между корпусами тянулась густая

полоса деревьев. Ему нужно просто пробраться через этот темный лес и перемахнуть через ограду!

Включив фонарик на телефоне, он прижал его к груди. Слабый лучик света едва разгонял мрак, но этого хватало, чтобы унять подступающую панику. Не успел он сделать и десятка шагов, как экран телефона ярко вспыхнул.

Вглядевшись в экран дрожащими ресницами, он увидел сообщения от Цзиня — того самого парня с черно-белой аниме-аватаркой и замашками трудного подростка. Еще днем Цзао Цинь заметил его настойчивые попытки выйти на связь, но благополучно их проигнорировал. Этот тип походил на вампира куда больше самого Цзао Циня: казалось, он вообще не спит, присылая сообщения каждые пару часов.

[Так кто тебя поцеловал?]

[Ты заявил в полицию?]

[Не покупай кровь с истекающим сроком годности.]

[У тебя нет денег? У меня есть особая кровь, хочешь, пришлю?]

[Сколько тебе лет вообще? Ты должен уметь защищать себя.]

[Ты занят?]

...

[Ты обычно спишь днем или ночью?]

Парень явно просто искал любой повод завязать разговор.

Однако, глядя на ровные строчки текста, Цзао Цинь почувствовал, как щемящее чувство одиночества в этой жуткой темноте постепенно отступает. Чтобы окончательно отвлечься от страха, он шумно выдохнул, нажал кнопку записи и наговорил ответ:

— Я сплю ночью. Мне ведь вообще-то в школу надо ходить.

Шагая в непроглядную чащу, он не сводил глаз с экрана, где то и дело загоралась спасительная надпись: * «Печатает...» * Это помогало удерживать мысли на чем-то обыденном и безопасном.

Спустя минуту пришло аудиосообщение. Цзао Цинь нажал на воспроизведение и от удивления слегка приоткрыл рот. Вместо ожидаемого голоса подростка из динамика раздался глубокий, чуть хриловатый баритон взрослого мужчины.

На том конце провода царил абсолютная тишина. Мужчина говорил негромко, полупшепотом:

— Так ты студент. Вообще-то я тоже, просто редко там появляюсь.

Голос звучал слишком зрело и солидно — образ «взбалмошного неформала» рассыпался в прах. Пока Цзао Цинь переваривал услышанное, он и сам не заметил, как подошел к самой опушке.

Внутри лесного массива атмосфера оказалась в стократ мрачнее. Шорох невидимой листвы, зловеющий стрекот ночных насекомых — каждый звук в этой темноте казался угрожающим, обступая его со всех сторон.

Тонкие пальцы сильнее сжали корпус телефона. Закусив губу, он в очередной раз мысленно обругал Сун Чэна. Тоже мне, защитник! Из-за его упрямства приходится пробираться через этот кошмарный лес.

Говорить вслух в такой обстановке было слишком боязно, поэтому он быстро набрал сообщение:

□Можешь сейчас набрать меня?□

Столь робкая, почти жалобная просьба была совершенно не в характере обычно холодноватого Цзао Циня. По ту сторону экрана на секунду замялись, а затем высветился запрос на видеозвонок.

Оба окошка трансляции заполнила непроглядная чернота ночи.

— Ты на улице? Один в такой час? — Голос Цзиня звучал удивительно мягко, почти заботливо.

Цзао Цинь тихо угукнул в ответ. При переходе на видеосвязь фонарик автоматически погас, но сквозь прорехи в кронах деревьев пробивался бледный лунный свет, позволяя худо-бедно различать тропинку. Впрочем, сейчас живой голос собеседника был ему нужнее любого освещения.

— Поговори со мной, пожалуйста, — жалобно попросил Цзао Цинь. — Или расскажи сказку. Только обязательно добрую и светлую, ладно? Не вздумай меня пугать.

—... Хорошо, — согласился мужчина после короткой паузы. — Жил-был один котенок. И был он совершенно белым...

Ли Чжиюэ отродясь никому не рассказывал сказок — он и сам их толком никогда не слышал. Но когда этот хрупкий мальчик так доверчиво и нежно просит о помощи, отказывать просто не поворачивается язык. Экспромт получался неуклюжим, но на удивление душевным. Он на ходу сочинял историю о храбром котенке, который пустился в опасное приключение, а Цзао Цинь невольно начал примерять роль пушистого героя на себя.

Наконец впереди показалась стена. Коснувшись холодного камня, Цзао Цинь шумно и облегченно перевел дух. Какая гордость! Он ведь только что в одиночку преодолел самый страшный лес на свете!

Разделительная ограда не выглядела слишком высокой. Перемахнуть через нее казалось делом пары пустяков. Цзао Цинь мысленно потер ладони, преисполненный уверенности в собственных силах.

Но реальность быстро приземлила его. Он подпрыгнул раз, другой, третий — но даже кончиками пальцев не сумел зацепиться за край. Спустя пару минут бесплодных попыток он, запыхавшийся и вконец измотанный, обреченно опустил на корточки, упершись ладонями в колени.

Засунув телефон в карман куртки, он тихонько проворчал:

— Ну и зачем строить такие стены? Кого они тут запереть пытаются, изверги...

—... И не говори, — негромко согласился Ли Чжияюэ в динамике.

Оглушенный собственным частым дыханием и стуком сердца, Цзао Цинь совершенно не расслышал тихих шагов позади. Тем неожиданнее и страшнее прозвучал раздавшийся прямо над ухом низкий мужской голос:

— И что мы тут делаем посреди ночи?

Спина Цзао Циня мгновенно взмокла от холодного пота. Он испуганно обернулся. В ночном полумраке лица незнакомца было не разглядеть, но его массивная, внушительная фигура возвышалась над ним, словно силуэт какого-то чудовища.

Пока у Цзао Циня бешено колотилось сердце, а в голове метались панические мысли о побеге, темная фигура внезапно замерла.

— Ты... парень Сун Чэна?

Его узнали.

Цепляясь за стену, Цзао Цинь торопливо поднялся на ноги. Когда до него наконец дошло, кто именно перед ним стоит, в мыслях воцарился полнейший хаос, и с губ сорвалось испуганное:

— Братик...

Сказал — и сам оцепенел. Щеки мгновенно обдал нестерпимый жар. Ему захотелось провалиться сквозь землю от собственной глупости. Мало того, что он не был никаким парнем Сун Чэна, так еще и при первой же встрече назвал его старшего брата столь фамильярно! Звучало так, будто он уже спит и видел себя частью их семьи.

— Угу, — неожиданно ровно отозвался мужчина.

В кармане куртки воцарилось мертвецкое молчание. Ли Чжиюэ, слышавший каждое слово через динамик, хмуро свел брови к переносице. Значит, у этого мальчика есть парень? И сейчас он наткнулся на его старшего брата.

— Что ты тут делаешь? — спросил Сун Минь. Его глубокий голос так и веял надежностью и спокойной силой.

Цзао Цинь принялся нервно теребить пальцы, сочиняя на ходу:

— Я... я пришел вместе с Сун Чэном.

Сун Минь на мгновение опешил. Глубокая ночь, а его младший брат, обычный школьник, шляется бог весть где. Мысли мужчины невольно приняли весьма двусмысленное направление. Зачем Сун Чэну уводить своего хрупкого парня в такую глушь посреди ночи? В безлюдный, темный лес...

Общежития в школе четырехместные. Насколько знал Сун Минь, его брат никогда не пользовался авторитетом родителей, чтобы выбить себе отдельную комнату. А вчетвером в спальне особо не уединиться с красавцем-парнем. Поначалу молодые люди могли прятаться по душевым и туалетам, но там слишком легко попасться на глаза соседям. Рано или поздно этого становится мало.

Старшеклассники — народ горячий, гормоны бурлят, желания бьют через край. Вот Сун Чэн и привел своего невинного, робкого возлюбленного в этот глухой лесок. А тот от страха и пикнуть не смеет, лишь послушно прижимается к нему, глотая слезы и безропотно позволяя делать с собой все, что вздумается...

Сун Миню даже думать не хотелось, что его младший брат способен на такое бесстыдство. Конечно, это были лишь догадки, но никакого другого разумного объяснения ночной прогулке в лесу он найти не мог.

— И где он сейчас? — тон Сун Миня невольно стал строгим.

— В... секторе А. Ушел туда со своими друзьями, — Цзао Цинь робко указал пальчиком на стену. Лгать ему приходилось нечасто, поэтому он смущенно сжал край своей одежды.

— В сектор А? Ушел с приятелями, а тебя бросил здесь одного? — Сун Минь нахмурился, с трудом подавляя вспышку гнева на брата. — Я отведу тебя обратно в общежитие.

Цзао Цинь запаниковал. Какое еще общежитие?!

— Нет-нет, нельзя назад! Мне нужно к нему! Он... обещал взять меня с собой.

Цзао Цинь потянулся, чтобы ухватить мужчину за рукав форменной куртки, но случайно обхватил ладонью его запястье. Ткань формы плотно прилегала к крепким рукам.

Отдергивать руку теперь было бы слишком глупо, поэтому он просто сжал чужие пальцы крепче и умоляюще прошептал:

— Он сегодня очень на меня разозлился... Пожалуйста, переведи меня на ту сторону.

За всю свою жизнь Сун Минь ни разу не держал за руку такого утонченного, хрупкого юношу. Его челюсть напряглась, а лицо в темноте приняло каменно-равнодушный вид — хотя в такой темени этого все равно никто бы не разглядел. В груди странно защемило, и вопреки всякой логике он негромко ответил:

— Ладно.

Но дальнейшее заставило его усомниться в собственной адекватности. Вероятно, дело было в постоянных изнурительных тренировках: его собственная физическая сила многократно превосходила возможности этого изящного создания. Цзао Цинь весил не больше пушинки, но его неразвитые мышцы не позволяли ему даже зацепиться за уступ. Сун Минь обхватил его за тонкую талию, пытаясь подсадить повыше, но парень лишь беспомощно сучил ножками в воздухе. Это было бы смешно, если бы не было так неловко.

Цзао Цинь совсем сгорел от стыда и затих, не зная, куда девать глаза.

Сун Минь вздохнул, решительно присел и похлопал себя по широкому плечу:

— Становись мне на плечи и держись за стену. Как только я выпрямлюсь — запрыгивай наверх и садись на край.

— Хорошо, — едва слышно пискнул Цзао Цинь.

Опершись ладонями о крепкие плечи Сун Миня, он аккуратно взгромоздился на него и, чувствуя, как мелко дрожат коленки, уперся руками в стену.

— Всё... я встал, — робко предупредил он.

Ощувив легкую тяжесть на своих плечах, Сун Минь резко поднялся во весь рост. В этот момент он совершенно позабыл, что держит не своего привычного к нагрузкам сослуживца, а нежное, хрупкое существо.

От резкого толчка Цзао Цинь потерял равновесие. Его тело качнулось назад, а ноги соскользнули с плеч вперед. Мысленно приготовившись к болезненному падению на землю, он вдруг почувствовал, как крепкие мужские пальцы намертво обхватили его голени.

В панике, поддавшись инстинкту самосохранения, Цзао Цинь судорожно уцепился за первое, что подвернулось под руку.

Уткнувшись лицом в чужую макушку, он прерывисто дышал, пытаясь унять бешеный стук сердца. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем глухой, неестественно напряженный голос снизу вернул его к реальности:

— Ты... цел?

Сун Минь замер, боясь пошевелиться.

Цзао Цинь буквально оседлал его шею. В панике он крепко обхватил голову мужчины руками, причем ладони его случайно накрыли чужой нос и рот, заставляя Сун Миня с каждым вдохом тягивать дурманящий сладковатый аромат его кожи.

От испуга бедра юноши намертво сжали напряженную шею мужчины. Сун Минь все еще держал его за голени, чтобы тот не сорвался, но его собственные руки теперь казались ему чужими — онемевшими и безумно горячими.

— Ой... прости, пожалуйста! — Цзао Цинь едва не плакал от стыда, его голос превратился в невнятное бормотание. — Пожалуйста, опусти меня на землю... Мне так жаль!

<http://bllate.org/book/18271/1763099>